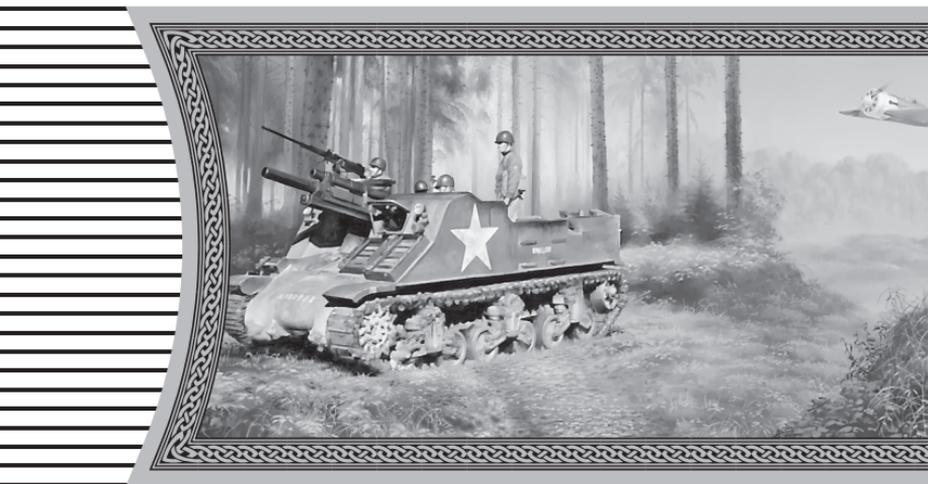

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Григорий Рожков

Американец

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р63

Рожков Г. С.

Р63 Американец: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1149-8

Его никто не спрашивал, хочет ли он оказаться в излюбленном историческом периоде — во Второй мировой. Но он оказался там. Никто не дал ему выбора — с кем быть. И русский стал американцем. Никто не делал его солдатом той войны. Он сам им стал...

Артур Арсентьев, вчерашний студент-юрист, сержант запаса и ярый поклонник военно-исторической реконструкции, оказывается 22 июня 1941 года на советско-польской границе за минуту до войны. Ему придется поверить в то, во что очень сложно поверить. Ему придется заглянуть в лицо смерти. Ведь он сражается ради Победы! Но делать все это он будет, неся рядом с ярко-красным Знаменем Победы звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов Америки. Потому что здесь он — американец. И американцы — верные союзники.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1149-8

© Рожков Г. С., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ШАГ НАВСТРЕЧУ ВОЙНЕ

Ох, жара! Проклятая каска на голове словно котелок, только снятый с костра... Мимо проковылял довольный жизнью Колька. Прет на горбу пяток массогабаритных макетов «мосинок» и ППШ¹, это, скажу я вам, немалый вес выходит, а он все равно лыбится! Дорвался до счастья, Великий Любитель оружия! Жаль, нам с настоящими стволами не дали работать... Ох-ох-ох, жарко-о... Завидую я Коле, он не мучается от жары! Вот в чем разница между американским пехотным офицером в полной экипировке и обычным бойцом РККА образца лета 1941 года. Легкая, просторная и, главное, простая форма советского солдата начала войны — хэбэшная гимнастерка, галифе, ботинки с обмотками, пилотка и ремень. Все! Больше ничего нет и не надо. А я, блин, напялил на себя все, что было в комплекте, — шерстяную рубашку, куртку и штаны, кожаные высокие ботинки, да еще и гетры в придачу. А жар на улице за сорок! И это в мае! Просто чудесно носить в такую погоду чугунок на голове... Ладно, это мелочи... Вот народ набегаёт, новая партия, прямо с автобусов. Правильно, а что еще делать 9 Мая после просмотра парада? Ехать в Кубинку на полигон, смотреть танки, лапать оружие да фотографироваться с ряжеными энтузиастами-реконструкторами. И по воле судьбы я, один из этих энтузиастов,

¹ «Мосинок» — винтовка Мосина; ППШ — пистолет-пулемет Шапагина.

красуюсь в униформе американского первого лейтенанта (в русском эквиваленте — старший лейтенант) из 1-й пехотной дивизии «Большая красная единица». Форма удобная и практичная, из отличных материалов сшита, но жарко в ней...

Сейчас это маскарадное занятие приносит мне и людям удовольствие. Многим очень хочется сфотографироваться со мной, кто-то даже просит, чтобы я изобразил что-нибудь героическо-историческое, вроде руки в боки или, сидя на броне танка, куда-то указываю, вроде приказы отдаю. Одним словом, есть чему радоваться, и спасибо за это моему командиру Максиму Юрьевичу. Хотя какой он командир — скорее, руководитель, мы ведь не военное подразделение, а всего лишь военно-патриотический клуб с громким именем: «Атака». Пять лет уже в клубе. Моя безумная влюбленность во все военное, начиная со шнурков на коркоранах и заканчивая межконтинентальными баллистическими ракетами, породила мечту быть хоть на шаг ближе к предметам вожделения. И «Атака» эти мечты постепенно превращает в реальность.

В первый же месяц пребывания в клубе я увлек за собой своего одноклассника Юру Иванова и родного младшего брата Сергея. Вся эта военная мишура была им тоже по приколу. Эх, сколько было эмоций, когда мы впервые взяли за боевые автоматы Калашникова на полигоне. Ух! Отстрелялись на «отлично», никто не промахнулся. А потом все делились впечатлениями и хвастались. Где мои шестнадцать лет?.. В клубе за пару лет я вырос до заместителя Максима Юрьевича и стал полноценным полевым командиром отряда. Тогда по случаю купил себе новый комплект современной армейской камуфляжной формы, без знаков различия, конечно, но все равно заметно выделявшей меня среди членов клуба. К чему мне, обычному парню в простом военно-патриотическом клубе, носить форму с погонями или иными знаками офицерской принадлежности?

Ни к чему: проблем с милицией, а нынче полицией, не хочется иметь. А в отряде люди меня знают в лицо, и не требуется иных доказательств принадлежности к командованию. Форма, в общем, это просто понт... Серый и Юрик стали моими замами, и причиной тому не то, что один из них мой родственник, а второй — старый друг. Я сделал такой выбор, основываясь на увиденном в процессе занятий: брат тянется за мной и самосовершенствуется, а Юра и вовсе в чем-то даже лучше меня. Втроем мы понемногу вносили в жизнь клуба что-то новое. К примеру, мы стали договариваться с другими клубами о проведении совместных военных игр, об организации поездок по городам-героям, стали собираться на турниры по пейнтболу и создали даже свой кубок. Из последних наших придумок стали вот эти «маскарады» на выездах в Кубинку и на Поклонную Гору.

Прошлый же год лично для меня стал большой проверкой знаний и навыков, полученных в клубе, — я попал в вожделенную армию. Отдал, так сказать, долг Родине. Причиной тому стала собственная дурость — я чуть не вылетел из университета, излишне увлекшись клубными делами и совершенно забив на учебу. Одумавшись, я решил взять академический отпуск и вернуться к учебе через год.

Отец посоветовал хорошее место, где можно набраться жизненного опыта и где из головы отлично выветривается лишняя дурь. Таким местом оказалась армия.

Попал я в мотострелки, светанулся со своей любовью к военному делу и очень удачно обратил на себя внимание. Быстро стал ефрейтором, под конец службы — младшим сержантом, а на гражданку вышел и вовсе сержантом. К собственному удивлению, особенно от удовольствия от службы получил немного, но интереса к военному делу не потерял. Поэтому по возвращении из армии вновь отправился в «Атаку» и полноправно занял пост второго руководителя клуба рядом с Максим Юричем.

Вместе мы продолжили расширять клуб, привлекая все новых и новых людей. Вот и вышло, что если в первый год, когда я пришел в клуб, нас было всего 20 человек, то сейчас наш клуб насчитывает 250 человек и целых четыре филиала в Москве и Подмосковье!..

Мимо прошмыгнул Коля и махнул мне рукой:

— Командир, Серый и Юра уже на стрельбище.

Я махнул в ответ. Вовремя он предупредил: сейчас они рассказывают об истории вооружения Рабоче-крестьянской Красной армии, а затем должен буду появиться я. В прошлом году нам доверили проводить мероприятия по ознакомлению народа с многочисленными качественными репликами оружия Второй мировой.

Не отвлекаясь, Артур, сворачиваем фотосессию и приглашаем всех людей, что стремились со мной сфотографироваться, к стендам с оружием.

С этими мыслями я проломился сквозь толпу, направляясь к стрельбищу. Откуда-то слева донесся знакомый голос:

— Артур!.. Мы тут!..

Ага, вижу. Дима, Денис и Миша. Мои одноклассники в универе. Прорваться к ним сквозь толпу я не смогу.

— Хэй, идите к стрельбищу! Туда! — машу рукой, указывая направление. Вроде увидели. — Увидимся там!..

А потом... Потом я даже шага сделать не смог. Толчок в спину — и земля стремится в мои объятия. На миг показалось, что сейчас будет неприятно больно, но этого не случилось... Перед глазами все неожиданно поплыло, и я не влетел всем телом в землю, а завис в невесомости. Вокруг была бескрайняя, безмолвная и холодная пустота. То есть так было сначала.

Первым в пустоте появился голос. Он доносился отовсюду, мерно, бездушно зачитывая сотни, тысячи слов на английском.

Потом появились очень живые образы из воспоминаний — просмотренные фильмы, прочитанные книги,

разговоры с друзьями, уроки в школе, лекции в университете, занятия в армии и клубе. Они вставали передо мной и исчезали, уходя от меня либо влево, либо вправо. Это выглядело так, словно кто-то их перебирал и делил на две категории.

Затем я ощутил себя. В прямом смысле этого слова. До того момента я и не понимал, что смотрел на все подобно бесплотному духу: у меня не было тела. А после момента я знал, что у меня точно есть тело.

Пока все это происходило, я не испытывал никаких эмоций — ни страха, ни удивления, ни интереса. Мой разум просто пропускал через себя всю ту информацию, что шла извне, и не воспринимал ее как нечто особенное. И лишь в конце всего этого «полета» я почувствовал, что нечто пошло не так, как надо. В голове что-то щелкнуло, и пустота завывала сотнями тревожных сирен. Что-то пошло не так, и я, подхваченный силой притяжения, куда-то стремительно полетел...

У, йо!.. Встреча всей грудной клеткой и лицом с землей — это, я вам скажу, то еще счастье. Твою маман!.. Упал все же... Ай-ай... Как же головой приложился, гудит — аж жуть! Что же случилось? Ведь что-то было со мной, но что? Ни черта не помню...

Бабах!

В голове словно разорвался снаряд. Столь реалистичных звуковых галлюцинаций от ударов головой у меня еще не было. Двигаться не было просто сил — дух вылетел от удара мгновенно. Ни руки, ни ноги не шевелились, а вздохи шли через раз. Еще голова болит дико...

Бабах!

Ой! А это что? Я так сильно головой стукнулся, что у меня слуховые галлюцинации? Похоже на то...

Не-э, это, похоже, реальный взрыв. Я что, опять в армии? Учения?

Переборов себя, перевернулся на спину и посмотрел в... предрассветное небо?! Э! Я не в армии... Я в Кубинке

был! Днем! Часа два дня было! А тут еще не рассвело до конца. Включите свет, дышать не видно! Гул взрывов стал нарастать и учащаться, появилась ощутимая вибрация земли. Секунды в реальности — и годы в голове. Это что же такое? Я вырубился? А чего же тогда нет шума толпы? Чего земля вибрирует? И кто так кричит? Крик был знатный: он появился неожиданно — истерика и дичайшая боль, смешавшаяся с безысходностью, такие вопли слышны даже сквозь взрывы. От такого крика по телу пробежались мурашки и проступил холодный пот. Внезапно меня обняла тишина — не было шума толпы, пропали взрывы, даже крик исчез. И голова неожиданно прошла... Сознание уже кричало от непонимания, тело же продолжало вести себя флегматично. Взгляд лениво сместился влево, небо сменилось темными кронами деревьев.

Та-а-ак.... Теперь вправо. Опять деревья? Непонятно...

Дыхание восстановилось, тело вновь стало послушным — надо вставать. Сначала осмотрим себя на предмет ранений и травм. Так, на мне все та же американская форма, никаких телесных повреждений вроде нет, после удара уже все прошло. Это хорошо...

А что у нас с окружающим миром? Просека: слева и справа лес... Назад почему-то оборачиваться не хотелось — наверное, уже тогда сработало подсознание, и мозг решил подготовиться. Все как в какой-нибудь психологической драме, насыщенной сюрреализмом. Это там героя обыкновенно мучают галлюцинации — настолько реальные, что происходит полная потеря осознания, где правда, а где вымысел. Проклятье! Не здесь я был. Не те запахи. Не то время!.. Слегка потянуло кислой гарью. Надо встать и оглянуться...

Встал. Теперь обернись, Артур. Резкий разворот на месте — и из легких вырывается непонятный полустон-полувсхлип. Метрах в ста от меня по просеке стоят полуразрушенные постройки.

Мама, я домой хочу! Мне эти шутки не нравятся! Ноги же при этих мыслях независимо от моего желания понесли меня навстречу неизвестности. Шаг за шагом я приближался к строениям. Это что-то военное. И напоминает мне... Пограничную заставу? По спине пробежали мурашки. Такие заставы я десятками видел на фотографиях довоенного периода и начального периода войны. Несколько зданий и сараев, вышка на заднем плане, нечто вроде плаца или спортплощадки прямо на моем пути. Приближаясь к площадке, пытаюсь понять, что же это за бугры меж воронок. Тут под ногой оказалось что-то мягкое, и я, охнув, отскочил.

Мать моя в кедах! Туловище ополовиненного пограничника с вывалившимися наружу кишками не было приятным зрелищем. Проблевавшись в ближайшую воронку, оглянулся на останки и повторил процедуру с опустошением желудка. Не, так нельзя, надо обойти останки бойца стороной. Хотя смысла в этом ни на грош. По плацу было разбросано, да, именно разбросано, множество тел, я их не заметил сразу потому, что форма на них была заляпана темными пятнами крови и покрыта слоем земли. Они что, были на построении?

Кто-то застонал, кто-то зашевелился. Есть живые!.. Слава богу!.. Ноги, не желая толком слушаться, тряслись, а голова на удивление четко отвечала на единственный вопрос «Что происходит?» сухим и жутким: «Война». Вот не приходило мне в голову, что это какие-нибудь свехреалистичные съемки очередного фильма о войне. Ну не приходило! Бывал я на настоящих съемках: там везде софиты, провода, рельсы для движущихся камер, в стороне всегда трейлеры с актерами, техникой и генераторами стоят. А тут ничего этого нету!

Неужели... Неужели... Стоя посреди площадки, сжав кулаки, я ошалело оглядывался, пытаюсь понять — что делать? Мысли, собираясь в кучу, просветлялись. Первое, что затребовал разум, — так это разжиться оружием, ибо в том, что это война, сомнений не возникало, ну

никаких! И то, что эта война — ТА САМАЯ, Великая Отечественная, Вторая мировая, Самая Кровопролитная Война! По фиг, по фиг! Тут граница рядом! А немцы скоро подомнут погранцов, сидящих сейчас в секретах, и пойдут смотреть: а что у них там с заставой? А я что, идиот тут сидеть, и при этом без оружия?! Надо выживать, сражаясь.

Так размышляя, я уловил странную деталь. На площадке лежало несколько солдат в форме, не похожей на советскую, а рядом — пятеро офицеров РККА, или, точнее, командиров. Приблизившись, я ахнул! Эти странные формы, не похожие на советские образцы, были американскими! Офицеры армии США — в полевых униформах пехоты, такой же, как и у меня, только с некоторыми различиями в деталях. Мать-перемать!!! Да не было же амеров в 1941 году на территории СССР, и уж тем более на советской пограничной заставе! Я бы со своей въедливой любовью к истории Второй мировой точно знал о таком событии. Но ведь не знаю, а факт налицо!

Стоп. Это же шанс! Это же объяснение, откуда я взялся! Главное — не попасть в руки энкаведэшников из особого отдела, а уж американцам я чего-нибудь и расскажу, они маленько прогрессивнее будут в таких делах — может, и не убьют. Успокаиваясь, начал понимать, что надо делать. Для начала надо помочь раненым.

Шага сделать не успел, как рядом кто-то застонал. Обернувшись, буквально перед собой увидел, как зашевелилась куча земли. Ни секунды не раздумывая, стал разгребать кучу и извлек на свет капитана. Облик его был неприятным — весь в крови, форма изорвана и покрыта грязью, голова разбита, и это только на первый взгляд.

— Who is here?¹ — прошептал кэп.

¹ Кто здесь? (англ.)

Спасибо моим учителям по английскому! Владение английским было у меня на высоком уровне.

— Это я, сэр! Вас накрыло взрывом, сэр! — затараторил я по-английски и мысленно ахнул. Я так бегло и совершенно без акцента на английском не говорил! Что за чертовщина?! Млин, я уже боюсь...

— Пауэлл, это ты? — Ухватив меня за рукав, офицер открыл глаза и уставился в предрассветное небо. Он же ничего не видит! Зрачки расширились до такой степени, что я не вижу радужки. — Что случилось? Где сержант Хэнрикс? Где Джэймисон?

— Вы ранены, сэр! — Подложив под голову капитана свою куртку, я осторожно осмотрел его раны. — Мы попали под артиллерийский обстрел, мне кажется, что все убиты, сэр... Я поищу, чем вас перевязать, сэр. Потом осмотрюсь, может, есть еще выжившие. — Блендамет мне в зубы, да где я так настропалился шпарить на безупречном английском?! Да, я знаю английский язык, но не так, чтобы спокойно, без раздумий болтать на нем, как на русском!..

— Это и правда война... Как и говорил Кейси... Но... Мы не нашли его...

Все, отрубился. Надо бы перевязать кэпа. Индивидуального перевязочного пакета в карманах ни у меня, ни у ближайших мертвых амеров не нашлось, зато я нашел обезглавленный труп того самого Пауэлла, свалившийся в воронку. Непонятно почему, но я был уверен, что это именно он. Его надо было тщательно обыскать, пока есть время на это, но жуть от зрелища сильно отталкивала. Не так уж это и легко залезть в карманы трупа без головы. Вокруг постепенно начиналось шевеление — оживали контуженные бойцы, и вскоре начнется суэта. Преодолевая психические барьеры в голове, пачкаясь в пропитанной кровью земле, вытряхиваю все, что только было в карманах первого лейтенанта, и расковыряю по своим карманам. Удостоверение и какая-то бумага с печатями. Открываем и смотрим в удостове-

ние. А ничего, похож, даже очень похож, и зовут меня теперь Майкл Пауэлл, угу, на первое время сойдет. На большее рассчитывать не стоит. Во второй документ не заглядываю — времени нет, — все бумаги быстро прячу в нагрудный карман. Нахожу еще мелочовку — жвачку, блокнот с карандашом, пару конфет без обертки, которые я тут же сжевал, не ощутив вкуса. Так, все эти мелочи мне понадобятся. В боковые карманы их, потом разберусь. Что там еще?

Все происходит быстро, руки трясутся, но выполняют требуемые действия. Судорожно оглядываюсь по сторонам: так, никто из «местных» еще даже не встал с земли. Вроде бы все, карманы пусты! Стоп, а жетон? Собачий жетон... Он же на шее, которая уже не держит головы погибшего лейтенанта.

Стараясь не уделять внимания тому, что кровь еще льется, ищу и нахожу цепочку жетона.

Проклятье! Проклятье! Все руки в крови! Стягиваю цепочку с жетоном и брезгливо протираю ее о форму погибшего. Так, теперь я — Пауэлл, и на то есть все доказательства. Быстро жетон себе на шею... С телом что делать, черт? Все же лишние вопросы появятся: откуда взялся еще один американец? Черт! Опять оглядываюсь, метрах в пяти в стороне на ноги поднялся шатающийся солдат, он стоит спиной ко мне и не видит, что я тут делаю. Будем надеяться, что соображалка к нему вернется не сразу. Ногами обваливаю края воронки, погребая тело. Быстрее!.. Достаточно, тела не видно. Фух!.. Вздох сопровождается дрожью во всем теле... Дальше что делать? Думай! Так, собрать с остальных убитых американцев документы. Они мне пригодятся...

Собирая документы, я дополнительно обрывал по одной части жетонов: так положено. Если потом тела все же заберут, наши это сделают или американцы, то их можно будет опознать по жетонам. О, уже голоса слышны. Все, заканчиваю с телами погибших, пора помогать живым. Разум медленно очищается: удивитель-

но, конечно, вокруг такое творится, а я уже «отхожу» от этого. Сила разума человека двадцать первого века? Наследие кровавых фильмов и сотен тысяч убитых в виртуальных баталиях врагов? Да черт его знает, сейчас не об этом думать надо.

Вскакиваю и направляюсь осматривать ближайших раненых. Внимания на меня почти никто не обращает, лишь когда я помогаю подняться на ноги контуженному пограничнику, запыленному с ног до головы, ко мне со стороны зданий подбегают двое бойцов и быстро принимают на руки раненого.

— Там на площадке еще есть раненые, им нужна помощь. Скорее.

Мне что-то отвечают, но я уже не слушаю, а взглядом ищу, что можно пустить на бинты. Пришлось побегать вокруг зданий и пару раз столкнуться с пограничниками, выглядевшими не лучшим образом. В конце концов удалось найти разбросанное белье — видимо, раньше оно висело на натянутой веревке меж столбиков. Быстро подхватив с земли несколько белых рубашек и подштанников, возвращаюсь на площадку. Постепенно дисциплина и здравый смысл начинают брать верх над испугом. Несколько бойцов быстро оттаскивают к зданиям раненых, мертвых пока не трогают. Один из пограничников быстро осматривает раненых и в меру сил оказывает помощь, ему отдаю одну рубашку на бинты. Контуженый, которого я видел, когда обыскивал и прятал труп Пауэлла, сидел на земле и, обхватив голову, подвывал. От него без пользы чего-то добивался младший сержант.

— Товарищ младший политрук!

Ага, политрука не хватало только. Хотя хрен с ним, ничего он мне не сделает. И вообще мне нужно кэпа перевязать. Действовать надо, действовать. Решительность — вот залог успеха.

Перевязываю капитана и ненавязчиво перехожу к быстрому обыску: мне надо знать имя своего команди-

ра. В нагрудном кармане нахожу армейское удостоверение на имя Роберта Брауна 1910 года рождения, а также справку, похожую на ту, что была в кармане Пауэлла.

На плацу уже дикая суета — откуда-то взялось много выживших и способных еще передвигаться. Истерики нет, но вот неразбериха встает в полный рост. То тут, то там вскипают и затихают мгновенные перепалки. На плац из здания с вывеской о том, что это пограничная застава, выскочил здоровенный такой бугаина с четырьмя треугольниками на воротнике. Старшина, значит. Чую, сейчас будет нам дисциплина...

— Застава! — заорал он тяжелым таким, мощным голосом, обращая на себя внимание. — В РУЖЬЕ!!!

Мир словно содрогнулся — вся неразбериха мгновенно рассыпалась на осколки, и появилась Цель! К старшине подбежал худощавый солдат с разбитой головой, в изорванной и местами окровавленной нижней рубашке. Только чистые сапоги и словно выглаженные форменные бриджи выглядели странно.

— Товарищ старшина, пирамиды в казарменных помещениях завалены, доступа к ним нет! — затараторил пограничник.

— Разобрать завал, достать оружие! Бегом!!!

Боец ускакал к зданиям выполнять приказ — наверное, там и есть казармы. Старшина огляделся и на мгновение заострил внимание на мне.

— Сидорчук! — Младший сержант, добивавшийся от политрука приказаний, подлетел к старшине. — Быстра-а подготовь носилки и вынеси к оврагу всех раненых! Возьми себе кого-нибудь в помощники, быстра-а!!!

Капитана я уже перевязал и, не зная, что делать дальше, подошел к старшине.

— Первый лейтенант армии США Майкл Пауэлл. — Честь при непокрытой голове не отдаю, поэтому протягиваю руку для рукопожатия. Старшина оценивающим взглядом проходит по мне и лишь потом сковывает мою руку сильным рукопожатием.

— Старшина Николай Бобров. Вы один из инструкторов? — кивнул он куда-то в сторону штаба.

— Да, — не задумываясь, отвечаю. Лицо старшины разгладилось, и он, вздохнув, спросил:

— Из ваших остался кто в живых?

— Да, капитан Браун жив, но он сильно контужен и сейчас без сознания. Все остальные мертвы. В том числе и наше сопровождение...

На четыре группа американских офицеров, исключая мою подмену и выжившего капитана, приходилось трое сотрудников ГБ. Это было сопровождение иностранных гостей. Лежали они плотно с заморскими инструкторами, почти вперемешку. Раньше я их не заметил в наступившем хаосе, но теперь сделал себе зарубку на память.

— Вы приняли на себя командование? — Старшина кивнул. Надо решать что-то для себя, выбирать путь, по которому придется идти. — Чем я могу вам помочь?

Бобров задумался.

— Возьмите на себя руководство по разбору завалов и извлечению оружия.

Оружие — это хорошо. Кивнув, я побежал к зданиям, названным казармами. Позади опять забасил старшина, раздавая приказы своим бойцам. Правильно, надо быстрее готовиться. А ведь только что он, считай, наделил меня реальной властью в том виде, в котором она сейчас может быть: командование.

В казарме тот самый боец в чистых бриджах и сапогах со своим товарищем разгребали завалы. Когда я подскочил к ним, они обернулись и удивленно посмотрели на меня.

— Первый лейтенант Майкл Пауэлл, — представился я. Хотя, может, это и лишнее. — Старшина Бобров послал меня к вам в качестве руководителя. — На правах старшего по званию (пару минут назад я из сержанта запаса еще не существующего государства стал целым первым лейтенантом армии США — обалдеть!) и, види-

мо, по возрасту я добавил в голос уверенности. Сталь в голос добавлять я с армии научился. Глупые мысли, конечно, но от происходящего отвлекает.

— Боец Гарчук. Петр Гарчук, — отозвался пограничник в рваной рубахе.

— Ефрейтор Степанов. — Второй боец, лихими ударами лома откалывая от рухнувшей стены куски, произнес свое имя: — Виктор.

— Инструменты есть? Вижу, лом есть, а еще что-нибудь? — Надо проявлять инициативу и руководить в меру сил.

— В хозпостройке есть все, что надо, — как-то неуверенно произнес Гарчук.

— Ну, так чего стоишь, солдат? Бегом за инструментом и приведи еще кого-нибудь нам в помощь.

Пограничник пару секунд думал, глядя на меня, но потом сорвался с места и побежал за штаб.

Ну-с, приступим! Быстро скинув с себя куртку, повесил ее на торчавший из уцелевшей стены гвоздь. Закавав рукава рубашки, я быстрыми движениями принялся раскидывать обломки, отколотые Степановым. Через минуту вернулся Гарчук в сопровождении двоих пограничников, вооруженных еще одним ломом и двумя лопатами. Дело сразу же стало спориться, мы быстро раскрошили и выбросили на улицу большой кусок обвалившейся внутрь помещения стены. Как раз этой стеной была прижата пирамида, в которой стояли винтовки. Добрались до оружия быстро. Придавленную пирамиду поддели ломом с двух краев и приподняли. Я, рискуя оставить под завалом свои руки, на ощупь искал под обломками винтовки и извлекал их наверх.

Первая же самозарядка привела меня в состояние легкого ступора. В руках я держал не то послевоенный самозарядный карабин Симонова, только более длинный, с удлиненным цевьем, скрывающим газовозвратный механизм наполовину, без складного штыка и с отъемным магазином, не то автоматическую винтовку

того же Симонова, просто неизвестной модификации: уж слишком сильно на это указывал характерный массивный дульный тормоз. Долго размышлять над этим оружием не позволили, просто нагло отняв его у меня. Встряхнув головой, я вытащил еще несколько самозарядок и всего две «мосинки» с оптическими прицелами, к сожалению, разбитыми.

Затем нашлись и боеприпасы — россыпью и в пачках, а к ним и магазины с обоймами. Все, что удалось извлечь за первую пару минут, отдал Гарчуку и отослал его к старшине. Вскоре Петр вернулся еще с тремя бойцами. Выйдя на минутку передохнуть и продышаться от пыли, присел на ступеньки казармы и задумался.

Почему я так спокоен? Почему с легкостью принял окружающую реальность? Может, потому, что я всю свою недолгую, пока что недолгую, жизнь мечтал стать участником событий тех — нет, этих — времен? Эх, знать бы, почему так случилось...

Из казармы выскочили двое бойцов с очередной партией винтовок. Махнув рукой, указал им нести оружие старшине. Бойцы скрылись, из здания вышли Степанов и остальные бойцы. На мой взгляд, вопрошающий о ходе работы, Виктор скривился и с грустью заговорил:

— Пулемет вдрызг, диски тоже...

Вот это реально жалость! Без пулемета будет туго. Ага, вон на западе уже стрельбу слышно. Немцы на наряды пограничников вышли.

— Тогда бегом ко второй казарме: постараемся достать оружие и там.

Больше не говоря лишних слов, бойцы быстро направились ко второй оружейке, по пути завернув следом за собой вернувшихся Гарчука и двоих погранцов. Я, захватив свою куртку, побежал следом.

В развалинах второй казармы мы возились не так долго, как в первой — процесс был уже неплохо отлажен, — но оружия извлекли здесь меньше. Почти все

винтовки были повреждены и не подлежали восстановлению, а вот пулемет был цел и... удивителен. На поверхность я лично извлек пулемет Дегтярева, пехотный, модернизированный... Да как модернизированный! Приклад поднят выше, и, видимо, внутри его скрыта трубка с возвратной пружиной, и есть пистолетная рукоятка с неплохим наклоном для удобного удержания при стрельбе. Вот те раз и два-с... Питание пулемета все так же происходило из дисков — их мы нашли дальше упакованными в слегка помятые металлические коробки по три диска.

Потом еще нашлись целых два ящика с гранатами Ф-1. А вот это хорошо! Сорок лучших в мире оборонительных гранат — это не хухры-мухры, с этим и повоевать можно. Боеприпасов удалось нарыть приличное количество. Удостоверившись, что это все и больше смысла тут лазить нет, я отдал приказ срочно возвращаться к старшине.

Нагрузившись боеприпасами и оружием, наша рабочая группа двинула не к плацу, а за штаб — так я про себя назвал здание с вывеской. Под стенами здания на земле сидели двое бойцов, в одном из них я узнал Боброва. Старшина что-то втолковывал пограничнику, дублируя свои слова указаниями на карте, и требовал от него осторожности. Это, наверное, посыльный: связи-то нет.

— Товарищ старшина, все, больше оружия не имеется. — Степанов приставил к стене ручной пулемет и коробки с дисками рядом с Бобровым. — Откопали еще два ящика гранат.

— Отлично. Степанов, оставь здесь пулемет и две винтовки с патронами и пяток гранат, а сам с бойцами хватай остальное и дуй на позиции. Так, Гарчук! Останься здесь.

Пограничники оставили «дегтяря», две винтовки с достаточным количеством боеприпасов и пять гранат

старшине и отправились выполнять приказ, а я и Петр задержались.

— Старшина, вы направляете посыльного в отряд? — В голове у меня появилась мысль, как уберечь от гибели посыльного.

— Да, надо сообщить о ситуации на заставе. А что такое, товарищ инструктор? — Посыльный и старшина повернулись ко мне.

— Скорее всего, в вашем тылу уже работают вражеские диверсанты, посыльный может не добраться до отряда.

Бобров задумался, а посыльный посерел лицом.

— Есть идеи?

Прогрессивный мне попался старшина, настоящий. И главное, он не стал спрашивать: «Какие такие диверсанты?»

— Есть. По дороге передвигаться в одиночку очень опасно. От дороги нужно держаться подальше и продвигаться по лесу, по ручьям, по оврагам. Территорию вашего района, я думаю, вы знаете хорошо, сможете найти оптимально безопасный путь в стороне от дорог. И ни в коем случае не вступать в контакт ни с кем в округе, кроме солдат и офицеров, которых пограничник знает в лицо. По идее, такие меры безопасности могут помочь добраться до отряда.

— А почему думаете, что диверсанты уже работают у нас в тылу?

Рано я порадовался, что он вопросов не задает...

Слегка прищурившись, своими карими глазами старшина начал меня сверлить. В этих глазах читалось понимание, что началась война, а не провокация. Пограничники об этом точно знали и лишь ждали начала, поэтому он не сомневается в моих словах о диверсантах, — он что-то проверяет.

— Здание заставы пострадало наименьшим образом, значит, у вас должна была остаться связь с отрядом по телефону. Но вы посылаете бойца с сообщением, а не

просто звоните по телефону. Поэтому я предположил, что связь по телефонному кабелю прервана, и это могли сделать только враги, перерезав кабель. А враги, нарушающие связь в твоём тылу, — диверсанты.

Эти умозаключения удовлетворили старшину.

— Запомнил, что инструктор сказал? — Посыльный бодро закивал, глядя то на Боброва, то на меня. — Вот и молодец. А теперь беги! Как можно быстрее доставь сообщение! — Боец убежал, а старшина, хлопнув себя по коленям, встал и обратился ко мне: — Ну что же, инструктор. Дай-ка мне свои документы.

Из меня как хребет вытащили. Коленки задрожали, сердце заколотилось в груди. Стало очень страшно: вдруг в документах что не так — и тогда тушите свет. Сглотнув вязкую слюну, извлекаю из куртки документы и протягиваю их старшине. Но на удивление старшина с ухмылкой возвращает мне ай-ди¹ и оставляет себе справку.

— Ага, вы, значит, спец по стрелковой подготовке? — не отрывая взгляда от справки, старшина обратился ко мне.

Вот дубина, что же ты не посмотрел, что в справке! Может, он меня сейчас прощупывает — ошибусь я или нет? Была не была!

— Да, именно так. Специалист по стрелковой подготовке и обращению с современными видами стрелкового вооружения, — отбарабанил я и протянул руку, дабы забрать справку. Если не отдаст, то спускаем паруса и сушим сухари. Нет, нет! Думаем о возвышенном и ждем конца. Отдал! Ф-у-у-ух... Сдерживаю себя, чтобы не выдохнуть так же вслух. Блин, это покруче встречи с патрулем во время самоволки будет...

— Мне некого оставить прикрывать раненых. Из тридцати пяти бойцов заставы, не считая десяти ушедших еще с вечера в наряды, в строю на заставе осталось всего пятнадцать. Четверо ранены в разной степени тя-

¹ ID — документ, идентифицирующий личность.

жести. Младший политрук сильно контужен. Ваш капитан тоже... У меня нет лишних людей... А вы — стрелок-профессионал... — Понятно, просит взять на себя заботу о раненых. Логично: и последнего целого иностранного офицера старается уберечь от опасности, и дополнительную, так необходимую боеспособную единицу находит для обеспечения защиты раненых.

— Я вас понял, товарищ старшина. Мне нужно оружие. — Момент истины. Момент, о котором я мечтал последние минут двадцать.

— Конечно.

Старшина взял самозарядку, пять пустых магазинов к ней и четыре пачки патронов и гранату. Восемьдесят патронов и «фенька». Великолепно! Главное — успевать снаряжать магазины. Придурок ты, Артур. Ты на войне! Тут не армейские учения, тут не клубные пострелушки в пейнтбол, и даже не страйкбол... Вокруг — настоящая война. Руки слегка дрогнули, принимая оружие. Точно, на войне... Придется стрелять и убивать. И возможно, придется умереть... Здесь. Старшина, глядя на меня, что-то прочел по глазам и, наверное, не так это понял:

— Вы что, не умеете обращаться с самозарядной винтовкой Симонова?

Все-таки детище Симонова. Это и хорошо, и плохо. Если это АВС-36, которую я просто не узнал, то дело швах, винтовка не очень надежна. Если же это нечто подобное СКС — то я в плюсе.

— Умею. Просто... — Заминка и попытка подобрать нужные слова. — Это война. Все, что происходит вокруг, — начало войны, товарищ старшина...

Бобров катнул желваками и кивнул, соглашаясь.

— Так, ладно, товарищ первый лейтенант, даю вам в помощь Гарчука. — Петр быстро подхватил винтовку, на которую кивнул старшина, затарился патронами и взял одну гранату. — Петя, поступаешь во временное подчинение товарищу Пауэллу.

— Есть!..

Стрельба на западе ослабевала, время икс приближалось. Не оглядываясь, я побежал к оврагу следом за Гарчуком. Он знал, где находились раненые. На ходу рассовал пачки патронов, магазины и гранату по карманам, винтовку перехватил обеими руками и присмотрелся к ней. Выглядит новенькой, даже нетронутой, но я уверен, что это оружие пристреляно и готово к боевому применению. По-другому у пограничников быть не может.

Соскользнув в овраг, я тут же приказал Петру найти позицию и следить за заставой и лесом слева и справа от оврага, а сам отправился проверять, как себя чувствуют раненые. Я не медик, но вот оказывать первую помощь умел хорошо.

Двое раненых были в очень тяжелом состоянии. У одного череп явно неестественно приплюснут и лицо синее, но дышит, хотя и очень слабо. Этому не выжить, а если и выжить неведомым чудом, то калекой он будет на всю жизнь. Черепно-мозговая травма у него капитальнейшая...

Второй тяжелый — с осколочными ранениями грудной клетки и брюшной полости.

Э, стоп! Он что, не дышит?! А пульс? Нету. Приплыли... Что с ним делать? Оттащить, что ли? И зачем? Просто накрою ему голову фуражкой политрука — все равно она ему не нужна, в бессознанке он. Хм, неслабенько же его контузило. Сначала вскочил, за голову хватался, мычал даже что-то, а сейчас лежит себе и не отсвечивает. Ну, а мне это на руку: лишние проблемы с комиссаром мне пока не нужны.

Думаю, а сам осматриваю следующего раненого — этому повезло, правые рука и нога поломаны, голова разбита, но дышит ровно и кровью не истекает. Последний раненый пограничник выглядел лучше всех, даже лучше, чем политрук, на котором видимых ранений не было. Боец сидел, закрыв глаза, но по его позе было видно, что он в сознании: очень уж уверенно сидит,

ровно. Когда я переместился к нему, он открыл глаза, подтверждая мою догадку.

— Как они? — кивок в сторону других раненых.

— Один умер, один в тяжелом состоянии, скорее всего, тоже не жилец. — Боец морщится. — Этот, — указываю на бойца с переломами, — правая рука и правая нога сломаны, но жить будет... — Говорю, а сам пытаюсь понять, куда же ранен собеседник. Внешних травм вроде бы нет. Зато определяю его звание — в петлицах два эмалевых треугольника. Сержант. Коллега!

— Понятно... — задумчиво протягивает сержант. Потом, уловив мой взгляд, произносит: — Позвоночник, наверное, сломан. По спине обломком стены долбануло. Ног не чувствую вообще. — Теперь все ясно: и такое на войне бывает. — Я вообще до службы в медицинском учился, поэтому тебя и спросил, что с ребятами, а то я сам им помочь не могу... — с болью говорит парень. Его несложно понять: такие дела вокруг творятся, а он ничем помочь не может. — Меня, кстати, Федором зовут. — Руки у него работают, протягивает для рукопожатия.

— Майкл Пауэлл, можно просто Майк. — Крепкая у парня рука.

— Ты уж меня извини, что я с тобой без чинов общаюсь... Я знаю, что ты и по званию старше, и статус у тебя особый, но просто... Страшно мне, до дрожи страшно!.. Ведь мы проспали начало войны. Думаешь, с чего бы я это взял? Да все знали, все слышали, но ничего не делали!.. — Парня пробил шок, он начинает отходить, и его страх рвется наружу в этом разговоре «без галстуков». Ему нужно выговориться — пусть говорит. — А нас теперь вот так вот, спящих, как слепых щенят, обстреляли. Моих товарищей поубивали! Меня искалечили! Твари!.. — Все, сорвался, освободился, заплакал сержант. Пусть плачет — ему станет легче, — а мне надо закончить осмотр и приготовиться к обороне.

Капитан Браун, лежавший чуть в стороне от погра-

ничников, все еще был без сознания, дышал ровно — значит, стабилен. Младшего политрука трогать я не решился: не до него сейчас, и я не психолог, чтобы экстренно вывести его из психоза.

Вернувшись к Петру, я посмотрел, как он устроился, и, удовлетворившись его вполне разумным выбором — ложбинкой под кустом, нависшим прямо над оврагом, пошел искать себе позицию. Нашел удобную в отроге оврага метрах в двадцати от места, где лежали раненые. Слева от меня в десятке метров, укрывшись в ложбинке, находился Гарчук.

Укрытие мое удобно: вода выщербила стены отрога, создав уйму удобных природных окопов, ведущих в глубоководную траншею оврага. Впереди застава — она перекрывает мне обзор того, что происходит на поляне, куда ушли все пограничники. Я смогу только услышать бой. Слева — просека, на которой я оказался, попав в это время. Позади овраг, за ним лес. Справа — дорога, ведущая от заставы на восток. За дорогой — тоже лес.

Значит, так... Слева на меня не выйти незамеченным: там просека, много открытого места, и помощник следит. А вот лес за дорогой опасен для меня, да и для всех. Там просеки нет, немцы по нему скрытно обойти могут. Надо быть максимально внимательным и не зевать.

Положив перед собой винтовку, вытащил из карманов и разложил рядом магазины и пачки патронов.

Как мне говорили в учебке, стрелять из оружия и быстро менять в нем магазин несложно, а вот опустошить в бою все магазины и не суметь их переснарядить — опасно для жизни. Поэтому по очереди беру и заряжаю все магазины, попутно удивляясь их вместительности — 15 патронов: это есть хорошо. Прежде чем зарядить винтовку, открываю затвор и заглядываю, насколько возможно, внутрь. Блин, ничего не понятно, разобрать бы, но как? Ладно, доверюсь пограничникам и буду считать, что оружие, доверенное мне, не подведет.

Магазин в приемник, затвор снять с задержки. Заряжено и готово к бою. Оставшиеся россыпью патроны убираю в карманы. Прикладываюсь к оружию, проверяю сектора, поворачиваюсь туда-сюда, смотрю, не мешает ли винтовка двигаться. Нормально вроде. Ну все, приготовился. Теперь ждать, ждать...

Стрельба постепенно приближалась с запада. С минуты на минуту бой нахлынет на заставу. А потом... Будет плохо. Это если старшина упрется рогом и примет решение стоять до конца, дожидаясь подхода линейных частей Красной армии, то здесь, у границы, останутся все бойцы этой заставы.

Навсегда останутся.

А я не хочу! Нет, я не трус и однозначно хочу применить максимум своих знаний, чтобы приблизить День Победы, но не ценой своей жизни в первый день войны. Может быть, и придется мне умереть на этой войне, но не сегодня, не здесь! Если старшина решит стоять насмерть, то я уйду! Просто возьму и уйду. Может, удастся Гарчука за собой увести, а раненых придется оставить... Да и в плен к немцам мне попадать никак нельзя: очень много я знаю об этой войне. Поэтому сражаться и выживать, любыми методами!

Приободрившись, я с удвоенным усердием стал вертеть головой, стараясь углядеть в лесном массиве фашистов.

За заставой неожиданно и очень интенсивно начали стрелять. Сердце в груди заколотилось, стремясь вырваться на волю и свалить отсюда! Громохнул несильный взрыв — значит, в ход пошли гранаты. Бахнуло еще раз, и кто-то дико закричал от боли. Перестрелка набирает обороты, пулемет пограничников стал стрелять реже, ему отвечали вражеские — их было два или даже три. Сражающиеся стороны постепенно перешли к размеренной стрельбе, и в конечном итоге через десять минут она утихла совсем.

От такого поворота событий я напрягся вдвойне, ус-

покоившееся было сердце опять громко застучало, мешая своим стуком думать. Взглядом пытаюсь уловить все лишнее в густой зелени леса на той стороне дороги, потом поворачиваюсь и внимательно изучаю изменения на просеке, но ни там, ни там нет никаких изменений.

Лес все так же молчал, птиц не было вообще — их артиллерией спугнуло, — поэтому тишина была пугающая. Хех, тишина — это мне так показалось. Фоном всю дорогу была уже далекая, но отчетливо слышимая артиллерийская канонада...

Где-то слева, вдалеке истерично длинной очередью разразился пулемет и захлебнулся в шквале винтовочного огня. Кто кого накрыл, непонятно — не то наши фашистов прижучили и они в истерику впали, не то наоборот. Сейчас вообще разобрать что-либо однозначно невозможно — хаос, зараза...

Поток мыслей прервался: взгляд уловил движение за дорогой, и по телу словно пробежалось стадо мамонтов, руки и ноги ослабли, дышать стало невероятно тяжело, голова закружилась.

Опа, это кто?

Приглядываюсь и вылавливаю для себя отличительные элементы обмундирования и вооружения. Форма цвета хаки, коричневые ремни и под сумки, воротники с широкими петлицами не то черного, не то синего цвета, на головах конфедератки, в руках карабины маузеров, и удвоих МП-40... Поляки?! Не может быть, их же наши и немцы в 39-м раскатали! Как это? Да еще и с немецким оружием! Может, они под шумок пересекли границу и вышли сюда, надеясь на помощь русских пограничников? Слева кто-то зашелестел, и я оглянулся.

— Пшеки, чтобы их... Сколько их там? Восемь? Ничего... Немцы сами не рискуют пока лезть, вот и гонят союзников на мясо... — Немцы поляков вперед гонят? Поляки — союзники немцев?! Мысли просто взрывали мозг. Вашу мать...

— Что ты тут делаешь, Гарчук? На позицию! Сейчас они подойдут, и мы их прижмем. Огонь открывать только после меня, понял?

Боец кивнул и тихонько проскочил в овраг.

Притянув к себе винтовку, вжал приклад в плечо и поймал в прицел идущего впереди группы поляка с блестящими серебряными полосками на погонах и автоматом в руках. Второй унтер с автоматом замыкал группу... Так, до моего, то есть первого, автоматчика метров семьдесят, может быть, восемьдесят. Рано... Они не плотной группой идут, надо пропустить, оказаться во фланге. Проходите, ляхи, проходите... Наконец я оказался во фланге. Прицел на минимальную дальность — тут прямой выстрел. Целюсь автоматчику в грудь.

— Не любил я вас, ляхи, и уж теперь точно не полюблю... — шепотом для самого себя произнес я. Глубокий вдох, медленно выдыхаю и плавно спускаю крючок.

Бах! Унтера крутануло и бросило на землю. Слева тут же щелкает два выстрела подряд, и падает второй автоматчик. Отлично! Откуда я стрелял, противники не заметили и открыли огонь по кустам слева и справа, считая, что укрыться я мог лишь там. С куста Петра посыпались листья и ветки, срубленные пулями. Козлы! Усталость в теле исчезла, а разум приобрел хладнокровный и кровожадный голос, затребовавший разделаться с ненавистными врагами. Перевожу прицел на крайнего поляка справа.

Бах! Промазал.

Бах! Конфедератка слетела с головы, и лях уткнулся лицом в траву. Готов!

Ой-ё!.. Рано радуешься, дурак! Прячься!

Пули уверенно стали вышибать передо мной фонтанчики земли. Пограничник несколькими выстрелами отвлек внимание на себя. Подходящий момент для смены позиции.

Нырнув назад в отрог, быстро отбегаю вниз, к оврагу, на ходу меняю магазин на полный. В стволе один

патрон, в магазине пятнадцать. Все по уму. Метрах в пяти-семи от первой позиции заползаю в неглубокую рытвину и вновь готовлюсь стрелять. Вдох-выдох, выискиваю взглядом конфедератки, а их и нет. Интересно... Вместо рогатывок появились каски. Хитрые пшки... Ага, зашевелились: в ответ-то стреляет всего один противник. Двое поляков привстали на колени и продолжили стрельбу.

Бах! Бах! Стреляю, целясь в грудь первому. Раскинув руки, противник подломился и рухнул набок. Попал! Быстро перевожу прицел на другого. А он уже пораскинул мозгами, словив черепом пулю от Петра. Минус четыре.

Господи, я лично три человека застрелил, а в голове пустота! Я сошел с ума...

Краем глаза вижу справа движение — и резко перевожу туда взгляд. Поляк бежит к оврагу, держа в руках длинную рукоятку гранаты.

БЛИН!

Бах! Бах! Бах! Бах! Да что же ты, зараза, такой везучий! Умирай же!

Поляк швыряет в мою сторону гранату и все же ловит пулю. Прыжком я отскакиваю назад в овраг. Взрыв грянул в стороне и явно не в овраге: я не ощутил ударной волны. Зато на голову посыпалась земля. В ушах слегка зазвенело, но даже так я слышал, как быстро стреляет Гарчук. Слева в овраг свалился кубарем поляк. Ах ты, тварь! Я никогда не был драчуном и всегда считал себя дипломатичным, уравновешенным человеком. Но сейчас мне хотелось просто голыми руками вырвать сердце появившегося предо мной врага! Мы были близко, в метре друг от друга. И сейчас мы будем друг друга убивать... Хотя у ляха есть одна проблема. Он, слетев в овраг, выронил винтовку, а я уже стою на ногах и оружия не выронил.

— Матка боска! — воскликнул он.

Дважды нажимаю на курок. Голову противника раз-

несло. Тьфу! Ужас! Ну, я и изверг... Плохо я себя знаю. Плохо... Так, в сторону лирику. Бегом наверх. Гарчук еще сражается.

Вылез я вовремя. Оставшиеся трое поляков, посчитав, что со мной все покончено, сместились ближе к оврагу и оказались примерно в пятнадцати метрах от меня. Они бодро стреляли по сменившему позицию Петру. Тут уж шиш вам. Вытащив из кармана гранату, отогнул усики и выдернул чеку. Так... Слегка разжимаю руку и позволяю рычагу со щелчком отскочить. Раз, два, три.

Н-на! Граната, перелетев через куст, описала дугу и упала чуть в стороне от залегших врагов. Бух! Кто-то из пшек заорал. Вскинув винтовку, бью вместе с Гарчуком по оглушенным врагам. Еще пяток выстрелов — и все поляки умолкли.

Потом и у нас, и за заставой наступила тишина... Все? Переждав еще минуту, понимаю, что все кончено.

— Гарчук! Ты как? — крикнул я. И уж совсем неожиданным было для меня то, что боец тут же оказался рядом, вынырнув из оврага. — Напугал. Ты цел, солдат?

— Порядок, товарищ первый лейтенант. Так, в глаза земля попала, но ничего... Лихо вы их. Снайпер. И гранатой ловко сработали.

— Ага... Инструктор. По стрелковой подготовке. — Удивиться тут было чему. И правда, я стрелял на пять с плюсом по собственной шкале выживания. Убил и выжил... — Так, боец, надо с поляков оружие и боеприпасы поснимать. У меня гранат больше нет...

Порешили, что пограничник меня, если что, прикроет, заняв позицию в отроге оврага, а я сползаю, собираю нужное с трупов. На удивление меня не стало воротить от вида убитых, даже мертвый боец с разнесенной головой не вызвал никаких эмоций. Я уже в упор одну башку сорвал...

После трех ходок туда-сюда и шмона свалившегося в овраг поляка мы с Петром провели ревизию трофеев. Выходило следующее. В наличии шесть винтовок «Ма-

узер 98К» и примерно четыре сотни патронов к ним, два МП-40 и восемь магазинов к ним, четыре сумки с гранатами-колотушками по четыре штуки, шесть штык-ножей, пистолет вальтер с полусотней патронов и тремя магазинами, револьвер «уibli» (охренеть — не встать!) и тридцать шесть патронов. Также фляжки и складные саперные лопатки — по восемь штук — и инд-пакеты разных размеров, два десятка. Нужным бараклом надо обживаться, и начало удачное. Документы с тел собрал в последней ходке, чем вызвал у помощника уважительный взгляд. Для себя лично прихватил с унтера кобуру для вальтера — и вскоре стал больше походить на офицера, повесив на бок кобуру с пистолетом.

— Так, боец Гарчук, бери себе автомат и занимай позицию. Продолжай наблюдение. А я к раненым...

С собой я прихватил второй эмпэшник и пару магазинов. Федор встретил меня вопрошающим взглядом.

— Отбились? Это были поляки?

— Да, Федор, отбились. Полякам ничего здесь не светит... Вот это немецкий пистолет-пулемет МП-40, тебе принес. — Светившееся от радости лицо сержанта изменилось и стало серьезным. — В магазине тридцать два патрона. — Я вытащил из приемника магазин и большим пальцем прижал верхний патрон. Он с легкостью ушел вниз. — Но их не снаряжают до конца, чтобы не ослаблять пружину. Здесь, наверное, тридцать. — Федор внимательно слушал и коротко кивал. — Магазин вынимается вот так, затвор взводится так. Нажимаешь вот здесь, у рукоятки, и откидываешь приклад. — Показываю, как разложить приклад. — Понял? Держи. — Сержант принимает у меня из рук эмпэшник и сноровисто повторяет несколько раз операции по перезарядке и раскладыванию-складыванию приклада.

— Но... оно мне надо? — приняв запасные магазины, спрашивает Федя.

— Надо, Федя, надо, — повторяю я фразу знаменитого актера Демьяненко из классической советской ко-

медици «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». — Ты же отсюда никуда не уходишь? — Федя скрипел. — Слушай приказ. Охраняй раненых и наши тылы. — Федор даже слегка распрямылся. — Молодец, а я пойду на ближних подступах с Петром вас охранять. Ты — мое тыловое прикрытие, Федя, — хлопаю бойца по ноге. Лицо сержанта неожиданно для нас обоих искривляет гримаса боли. — Почувствовал? — Боец, глотая слезы боли, кивнул и заулыбался. — Значит, поправишься! Скоро придет подмога. — Быстро осмотрев раненых, удостоверился, что все без изменений, и направился обратно к помощнику.

— Чуть не забыл, Федор, стреляй, если что, на поражение, не задумывайся. Только нас не подстрели... Хм... Вот что, если кто сюда будет идти, ну услышишь шорох, оклики и спроси: «Кто идет?» Мы с Гарчуком ответим: «Это я, почтальон Печкин». Понятно? — Сержант кивнул и перехватил автомат. — Ну, давай, я пошел.

— Будь осторожен, американец! — кричит мне в спину Федор.

На этот раз я ушел подальше от раненых и занял позицию не в отроге, а в кустах рядом с оврагом. Петр залег в тридцати метрах слева. Нормально — и он мою позицию видит, и я его. Заранее осмотрелся, убедился, что в моем секторе все спокойно, выложил перед собой винтовку, пару полных магазинов, набил пустые и решил уделить внимание своему будущему в этом времени. Стрельба за заставой опять началась, но из леса никто больше не лез. Ладно, во-первых, надо было хорошо продумать мою легенду. Прежде изучим свои собственные документы.

Так, мой армейский ай-ди. Майкл Пауэлл, первый лейтенант, 5 января 1918 года, ага, значит, мне 23 года. Цвет глаз серый — у меня серо-зеленые. Но в зависимости от погоды, бывает, цвет меняется на голубой или зеленый. Волосы русые — идеально. Вес — сто семьдесят шесть фунтов... А это сколько? Кажется, в одном кило-

грамме два фунта с четвертью... Значит, делим на два с четвертью. Восемьдесят? Ага, я вешу семьдесят девять, ну не страшно. Хотя худоват вояка попался... Да и я туда же... Как меня в армию тогда взяли с недостатком веса, не понимаю! Рост — шесть футов и пять дюймов. Та-а-ак... Это где-то... Метр девяносто пять. А я — метр девяносто шесть. Отлично, просто супер! Дата выдачи документов 4 декабря 1940 года. Запомнили...

Теперь второй документ читаем. Народный комиссариат внутренних дел СССР. Главное управление пограничных войск НКВД. Начало заманчивое... Временное удостоверение №... Хорошо идем. Звание: первый (старший) лейтенант армии США. ФИО: Майкл Джонатан Пауэлл. Должность: инструктор по огневой подготовке. Еще лучше. Действительно: с 20 июня 1941 по 20 августа 1941. Личная подпись... Жуткие каракули, а не подпись... Командир в/ч... Имя, подпись печать. Ого, вот это бумажка. С таким удостоверением и повоевать, и пожить можно! Тут и мое звание подтверждается, и полномочия есть. Отличная такая бумажка — жаль, конечно, что я резко в звании вырос: я ведь не офицер, я — сержант. Ну ладно, радоваться и горевать буду потом. Посмотрим документы остальных моих товарищей-инструкторов.

Джон Хэнрикс, второй лейтенант, двадцатого года рождения, инструктор по стрелковой подготовке. Коллега, значит, пусть по легенде он был моим другом.

Эндрю Джэймисон, первый лейтенант, восемнадцатого года рождения, инструктор по оказанию медицинской помощи.

Томас Никсон, штаб-сержант, девятнадцатого года рождения, физическая подготовка. Классика, блин: как сержант — так качила, и всех до посинения гоняет.

Генри Эйч Куимби — ирландец он, что ли? Штаб-сержант, девятнадцатого года рождения, еще один «физик». Ясенько. Кто и куда, разобрался.

А кто я?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Шаг навстречу войне</i>	5
<i>Глава 2. Шаг за шагом.</i>	46
<i>Глава 3. Первый и последний</i>	77
<i>Глава 4. Второй шанс</i>	86
<i>Глава 5. Главный герой</i>	105
<i>Глава 6. Вопросы без ответов.</i>	124
<i>Глава 7. Заклепки</i>	137
<i>Глава 8. Вновь герой.</i>	157
<i>Глава 9. Правда.</i>	195
<i>Глава 10. Свобода</i>	209
<i>Глава 11. Риск</i>	223
<i>Глава 12. Эпицентр</i>	242
<i>Глава 13. Прорыв.</i>	278
<i>Глава 14. Встречи</i>	302